

СИНЯЯ ГРЯЗЬ

Страшный рассказ

ГРИГОРИЙ ЭГГРЕГОР

16+

Григорий Эггрегор Синяя Грязь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62984317

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказ Синяя Грязь не простая страшилка-видение. В нем сталкиваются обычное с необычным, невидимым, веданное с неизведанным, притаившемся в нашем мире. Данил, отправляясь в глухую деревню Синяя Грязь, где жила когда-то известная ему по рассказам бабушки таинственная Марфушка, с которой в бытность ее произошло что-то ужасное и необъяснимое, и представить себе не мог, что ожидает его и его жену Киру в загадочных колдовских местах. Прогулка в страну детства превращается в ужасную, полную необъяснимых превращений историю, грозящую чем-то более страшным, нежели просто смерть.

Марфушка сидела за столом у печи. Улыбалась вкрадчиво.

– Здравствуй, Зина. Проходи. – Вытянула шею и склонила голову так, точно заглянула соседке за спину.

Зина нерешительно шагнула от порога и остановилась. Она не могла понять, что здесь случилось? Кто так страшно кричал сейчас за дверью? Такой вой летел по всей улице, что бездомная собака Найда завывала в ответ и покатила по земле, будто на буран.

Зина огляделась с опаской. В доме кроме Марфушки никого не видно. Весь он, разделенный большой беленой печью надвое, был как на ладони. Ни закутов, ни занавесок. Спрятаться негде. Даже под кроватью виден только пыльный сумрак и в нем ничего живого.

В первой части дома, на крашеной лавке, сидела у стола Марфушка, приглаживая ладошкой клеенку, топорищившуюся по краю. Во второй стукали настенные часы. У замерзшего окна с наплывами толстого ночного льда на стеклах стоял в кадке фикус, покосив макушку к свету.

Кот с вздыбленной шерстью смотрел из-под стула. Прильнув к самому полу, оскалил острые иголки зубов. Глаза его зелено горели.

Больше никого.

Разве что за печкой спрятался?

– Ты как тут? – Спросила Зина, решая про себя, как бы поскорее выйти на улицу, уж очень нехороша была улыбка

соседки. – Ничего?

– Ничего. – Отвечала Марфушка, побелевшими голубыми глазами поводя по сторонам. – Кашку ем. Поствую со всеми наравне.

Из чашки перед ней торчала алюминиевая ложка. Каша была не тронута. Возвышалась горкой.

Марфушка, не переставая улыбаться, неловко взяла ложку в кулак и зачерпнула рассыпчатой гречки. Подняла. Каша посыпалась через край.

Марфушка выставила желтые зубы, открывая рот. Надвигаясь им на ложку. Шея напряглась, вздулись-вылезли жилы под кожей.

Зина обмерла.

Марфушка покосилась на неё и тихонечко засмеялась. Прямо сквозь эти повисшие над ложкой зубы.

«Тук-тук-тук...» – Часы застучали громче, заскрипели гири на цепи и ударили в пол.

Марфушка повела плечами и вдруг, закинув голову назад, завопила раскатистым хриплым нутряным голосом:

– Заморииила! Замууучила!

И захохотала страшно. Диким, не своим смехом. Заскрипела зубами.

Зина, похолодев под одеждой и волосами, ударилась спиной в дверь и вывалилась наружу. Поползла по щелястому полу сеней к выходу.

В доме кто-то продолжал выть и хохотать.

Над этим хохотом стояла улыбка и молочно-голубые пустые глаза.

И вдруг тихо, привычно, но будто бы уже и зазывно:

– Зина? Куда же ты? Зин?.. Заходи. Кашки поешь...

...

Мужчина захлопнул лейтоп, с экрана которого читал страшный рассказ про Марфушку и таинственно произнес:

– У ней семеро ребят, все по лавочкам сидят! Все по лавочкам сидят, кашку с маслцем едят!

Женщина, сидевшая напротив, поёжилась.

– Перестань! – Отставила тарелку с гречкой. – Хотя бы написал, что она манную кашу ела.

– Что было – то и написал.

– Было... – Вяло передразнила женщина. – Поели на дорожку, называется. В рот не лезет!

– Толкай! – Посоветовал мужчина. – Дорога долгая.

За шторой светило розовое солнце. Утро поднималось над городом.

Утро поднималось, страх оседал.

– А куда эта Марфушка потом делась? Лечили её?

– От чего?

– От всего. Не ясно, что ли – от чего? – Постучала костяшками пальцев по голове. – От раздвоения личности.

Мужчина доел свою кашу и отодвинул тарелку:

– Не было у неё никаких двойных личности. Так... черт подселился – вот и все.

Стукнул ложкой по краю тарелки.

Женщина побледнела от этого стука.

Он свёл глаза к носу и прошептал:

– В час ночной приходи! Усни на груди!

– Дурачок. Я – точно не поеду! Нужна мне твоя деревня!

– Вот это – правильно. Семь по семь вёрст грязь хлебать.

Между прочим, деревня так и называется Синяя Грязь.

– Бяяя...

– Там красиво очень. Давным-давно я с бабушкой ходил в тех местах. Всё еще помню бор. Солнце. Песок в тени прохладный, и шишки из него торчат, колют пятки, и иголочки шелестят...

– Иголочки... – Она сморщила неодобрительно нос. – И Марфушку видел?

– Нет. Она жила в Синеи Грязи задолго до этого. Потом её дом спалили. А когда Марфушка уехала куда-то от пожарища на время, собрались семь старух «старых старей» и одна «удова – лупоглаза, как сова» да и обошли с тесовым крестом деревню три раза. Каждую лунную ночь Марфушка вокруг деревни ходила, выла, а войти не могла.

– И дома одна не останусь! – Решительно сказала женщина, испугавшись окончательно.

Она была молода. Синеглаза. Губы, после сна припухшие, шевелились трогательно, точно она кокетничала.

Но Кира не кокетничала. Данил это знал точно. Она была соблазнительной всегда. И губы эти. И плечи. И... Она бы-

ла бы и того соблазнительнее, если бы не снежное любопытство, с которым открывала она свои прелести. Ей не хватало чувственного тепла, неги желания.

– Давай лучше на Кавказ поедem! – Предложила Кира. – А? Дань? Две недели нам – во! – Провела ладонью по горлу. – Что тебе эта Грязь?

Он прищурил глаза от дыма воспоминаний:

– Бывало, забежит Марфушка поперед табуна, промчит-ся, в траве руками дернет, и кони летят через головы!..

– Петли ставила.

– Часовенку там построили с золотой крышей после пожара. Я видел её издалека. Ещё бы взглянуть.

– С золотой!.. Доцент ты и есть доцент... Там не осталось теперь ничего. Пепелище. Ветер свищет. Слушай! А бабки там есть, которые помогают женщинам родить?

– Повитухи?

– Нет. С травками. С заговорами. Если с ребенком не получается никак.

Данил глянул на неё и покачал головой.

– Я – к слову, – насупилась она.

– Там комбайнер Федор есть. Вот он, говорят, всем помогает.

– Старый анекдот. А Ксюха ребенка хочет!

...

Лошадь шла не спеша. Угрюмо. Будто сама по себе. Не помня о телеге. Когда телегу подбрасывало на кочках, ло-

шадь странно вздыхала, и налегала на упряжь. Начиная тянуть, но вскоре забывала о том, зачем она здесь, думая о чём-то своём.

Почему он выбрал лошадь на станции? Зачем?

Рядом стояла приземистая иномарка, шофер расхваливал поездку с ветерком вокруг озера и далее по просеки до 108 километра, но паренек, сидевший на телеге, скептически глянул на бампер и невозмутимо самому себе сказал:

– Не доедут.

И посмотрел в небо.

Данилу тоже захотелось этого открытого неба над головой.

Телега поскрипывала левым задним колесом. Возница всякий раз поводил плечом, когда скрип был особенно резок. Что-то нашептывал себе под нос.

– Может подмазать? – Писк изрядно надоел. – Солидол есть у тебя, парень?

Тот молчал невозмутимо.

Ехали они совсем не в ту сторону, куда показывал таксист. К синему далекому лесу, а не к озеру.

– Едем правильно?.. Как звать-то тебя?

Возчик долго молчал, обдергивал рубаху на широком заду, заглядывал лошади под хвост и только потом сказал неохотно:

– Мишка.

– До Синей Грязи доедем?

– Докуда? – Парень натянул вожжи, останавливая лошадь.

– До Карасево, – успокоил его Данил.

– До Карасево доедем. Мы живем в нем. А Грязей рядом нет никаких.

– Это ты просто не знаешь.

Мишка недовольно повел плечом.

– И Соловьевки нет? – Спросил Данил.

– Соловьевка была. Стояла за Поперечкой. На том берегу. Там остался фундамент от мельницы и от школы шлаковые стены. А к ним сирень растет аллеей.

– Ну вот!

– А Гязи нет.

– Это за бором. Дальше на север.

– Нет там никакого севера. Там болота одни!

Кира толкнула мужа в бок: хватит!

Он думал, что она спит, так тихо лежала жена на свежей, подвядшей за день на солнце траве, наваленной в телегу.

Данил несколько раз задевал её локтем, водил травинкой по щеке...

Беспробудна! Сладок степной сон под скрип колес...

Оказывается, не спала, слушала.

Данил толкнул ее в ответ, и на время замолчал.

С одной стороны лежала степь до самого горизонта. С другой тянулся березовый лес.

Теплынь.

Прозрачный месяц, не дождавшись, когда солнце сядет,

полез вверх по темнеющему, но всё еще светлому небу.

– Лошадь у тебя не бойкая! – Определил Данил.

– Да уж... – Возница не знал, что сказать еще.

Стал выговаривать кому-то:

– Говорил – не бери! У Савельича всё с причудами.

– Ты о чём?

– Польстился на цену. Даром, мол. Ну, так что?

– Как это – даром?

– А у коня цена – не первое дело, – всё так же сам с собой говорил возчик, не слушая седока. – Первое дело – нутро!

Слова мишкины были совершенно непонятны, Данил не отставал:

– Чем же плохо его нутро? Больной?.. Больная лошадь твоя что ли? Чем?

Парень покривился всею спиной, но не обернулся. Рассудительно заметил:

– Конь – или конь, или балда в шляпе. Чо и брать такого?.. – Через плечо недовольно бросил: – Здоров Степка! Не бойтесь.

Ага, Степка! Значит конь, а не лошадь. Или как там у них?.. Нет, для коня слишком беспородна лошадь Степка.

Мишка помахал-покрутил кнутом в воздухе. Но не стегнул.

Лошадь, урча кишками, вздохнула задумчиво. Совсем как человек.

– Степка, значит?

– Он. Наследственно. Хозяин так прозвал.

– Не хочет, гляжу, тебя слушаться.

Мишка кашлянул, поерзал задом беспокойно и остановил лошадь. Пошарил рукой под доской, на которой сидел, и вытянул шляпу с пером.

– О! Тирольская! – Удивился Данил.

Мишка ухмыльнулся многозначительно. Подошел к лошади спереди и напялил ей шляпу на голову, протянув ухо в дырку. На всю голову шляпы не хватало, она висела с одного бока.

Данил усмехнулся:

– Зачем?

– В придачу шла. Охотник какой-то забыл у Савелича, а тот к ней Степку и приучил!

Обзаведясь шляпой, Степка ожил на удивление. Не то что бы побежал, но бодрее стал перебирать ногами, приосанился и уже не задумывался у каждого куста.

– Модник! – Засмеялся Данил.

– У Савельича всё так, – сообщил Мишка поспешно. – Пришли раз мужики быка купить на закол. Он вывел его, а на шее у быка галстук зеленый! Мужики – снимать, тот – в рев! Не дается, башкой колотит...

...

Никто в Карасево не слышал о Синей Грязи.

– А я что говорил! – Обиженно восклицал Мишка после того как, потужив память, кто-нибудь в очередной раз заяв-

лял:

– Нет такой деревни!

Немногочисленные жители Карасево, собравшиеся у магазина, вначале угрюмо встретили приезжих, но мало-помалу разговорились.

– Вот если – Солонówka, – говорил один, – то это как выйдешь за овраг, где дворы скотные стояли, повернешься левым боком к березе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.